

Другая дискретность

В.В. Аверьянов, кандидат философских наук

Я благодарен автору за доклад. Он был чрезвычайно познавателен. И ответ на вопрос о ценностях в последующей дискуссии также был обеспечен. Из предыдущего разговора я вынес, что к числу абсолютных ценностей для автора доклада относятся свобода и новизна, а это уже не мало. Я бы хотел выступить с позиций противоположных, с позиций традиционалиста, но традиционалиста синергийного, если использовать прозвучавшую терминологию. отождествление традиционалистской установки сознания с парадигмой синхронистической или, не дай Бог, рефлекторной, представляется неоправданным.

Что же касается дискретности, о которой говорилось в применении к архаическому типу сознания, то безотносительно того, насколько это справедливо в отношении первобытного человека, я бы хотел отметить, что дискретность, разорванность смыслового целого исторически никуда от нас не ушла. Она проявляется теперь на другом уровне, дает о себе знать в эпоху современности и постсовременности. Это, конечно, *другая дискретность*. В первую очередь она выражается в том, что традиция, понимаемая как целостность социума, как расположенная во времени культура, не успевает справляться с инновациями, не успевает их переработать, абсорбировать, аккумулировать. Соответственно, общество находится в состоянии инновационного шока, и не столько потому, что оно ошарашено новым, сколько как раз потому, что оно попадает в другую дискретность, в ситуацию частичного забвения традиционных ценностей, неспособности их удержать и готовности довольствоваться их суррогатами. Эта проблема известна, она обсуждалась неоднократно в XX в.

С другой стороны, понятие революции, которое докладчик совершенно верно трактовал по этимологии, все же

не случайно эту первоначальную этимологию изменило. И пока что горизонты, в которых революция возвращается к своей первичной этимологии, представляются мне очень отдаленными. Может быть когда-то это произойдет, и революции будут свершаться как восстановление некой нормы, золотого века, возвращение в ситуацию для общества желанную, не проективную, а знакомую, связанную не с разрывом, а именно со срастанием социальной ткани...

Реплика **В. Межуева**: Это консервативная революция...

— Я думаю, это не совсем так. Является ли консервативная революция тем, о чем идет сейчас речь — это большой вопрос. Скорее я бы назвал это состояние как раз «синергичным традиционализмом» или динамическим консерватизмом, как мы его называем. Нашему времени до этого состояния еще очень далеко, наша эпоха поражена дискретностью. Возможно, что она поражена ею смертельно, потому что этот разрыв между инновациями и способностью гармонизировать общество как целостную традицию выражается в посягательстве на ценности, в том числе и кажущиеся незыблемыми. Вы признаете, что «идеальные ценности» (в Вашей терминологии) подвергаются бóльшему воздействию, чем раньше. Яркий пример этого — такие традиционные ценности как война и мир. До XX в. война и мир представляли собой аккумуляцию высоких символических смыслов, объясняли мироздание. С появлением ядерного оружия ценности войны и мира резко изменились, они потеряли свои контуры. А следовательно и перестали объяснять мир, скорее превратившись в инструментарий манипуляции, чем объяснения и ценностного самоопределения человека.

Однако дискретность, разорванность смыслов в эпоху современности и постсовременности посягает уже и на те ценности, которые по Вашему определению являются инертными, практически не подверженными воздействиям со стороны человека. К таковым докладчик относит ценности

«биологические». Но как раз сейчас мы стоим перед новыми вызовами, под знаком которых начинается XXI в. Фактически мы можем столкнуться с революцией, которую род человеческий уже не сможет вынести. Я имею в виду возможные катастрофические последствия биосоциальной революции, составной частью которых будет революция биотехнологий и биоконструирования, что является не частным научным вопросом, а неким ключом к будущему. Проявляется это и в глубинном ценностном фоне постсовременной цивилизации, в которой мутируют и искажаются первичные биологические инстинкты, меняется отношение к семье, рождению и смерти, браку и взаимоотношению полов, смыслу и ценности сексуальности. Формирование новых биологических форм и их сотворение из ничего, когда оно перешагивает пределы самого человека и вторгается в человеческую природу, — это такой вызов, который способен размыть самые устойчивые ценностные барьеры.

Я бы не согласился с трактовкой Аристотеля как автора наиболее внятной системы логики, определившей лицо причинно-следственной парадигмы сознания, как ее в изложенном докладе предлагается называть. Оптимальность аристотелевского понятийного аппарата всегда подвергалась сомнению и существовала в жестком конкурентном окружении — и с платоническим и с пифагорейским аппаратами, если брать эллинистическую эпоху, не говоря уже об эпохе христианской (или исламской) или, тем более, не говоря о сложной и самобытной индийской логической традиции. В этом отношении аппарат Аристотеля в какой-то момент явился победителем в конкурсе, но это не значит, что он стал окончательным монополистом.

С одной стороны, рассуждая о Парижском споре, о науке как доказательстве верно найденной истины, докладчик в этом пункте аранжирует известное суждение, что практика является критерием истины. Однако, с другой стороны, это кажущееся столь эффективным суждение лишено какой-либо очевидности. Недавний конфликт, связанный с выступле-

нием папы Римского Бенедикта XVII, шел как раз вокруг этой проблемы. И хотя в СМИ эта тема освещалась недостаточно, для читавших оригинальный текст лекции папы Римского вполне ясно, что главный пункт претензии папы по отношению к исламу заключался в том, что у христиан истина логична, тогда как у мусульман она иррациональна. Это было основополагающим критическим и отталкивающим зарядом, который папа послал в адрес ислама. Другое дело, что это было обличено в форму буквальных исторических примеров. Исламская улица отреагировала именно на буквальные формулы, однако понятно, что за исламской улицей стояли исламские богословы и авторитеты, без мнения которых никаких волнений и протестов не произошло бы. А интеллектуальная элита в среде мусульман совершенно четко уловила этот глубинный посыл папы, этот вызов: ваша истина иррациональна, а наша истина логична...

И завершая свое выступление, я хотел бы отреагировать на саму тему нашего семинара «Гуманитарная наука и высшие ценности Российского государства». Тема сегодняшнего доклада «Мышление. Наука. Миропознание. Миростроительство» и сам доклад бросил в большую тему семинара очень хорошую закваску. Именно нам в России нужно вырабатывать такую модель, такую интеллектуальную формулу, которая позволила бы нам от дискретности, от ошарашенности инновациями и шокированности вызовами современности, начать переход к более гармоничному состоянию. К тому самому «синергичному традиционализму», о котором я говорил. Потому что выработка такой формы сознания и идеологии позволила бы мудрее отнестись и к ценностям новизны (инновациям и революциям), и к ценностям свободы (эмансипации), о которых сегодня шла речь. Ведь человеку важно не столько преодолеть в себе архаические парадигмы мышления, сколько научиться подпитываться из всех этих форм организации мышления: в том числе и из мифологичности и способности к вневременному прочтению знака, и из установки на гармонизацию и

синхронизацию как построение человеческого острова посреди мировой неустойчивости, и из идеологически-поисковой формы мышления. Только в этом и будет заключаться настоящий синергичный эффект.

Наука и цивилизационные ценности

С.Е. Кургинян, руководитель Экспериментального творческого Центра

Я внимательно слушал собравшихся. Заодно учился. Никогда не знал, что о высших ценностях можно беседовать в режиме «блиц» (5 минут выступающему). Теперь знаю, что можно. Еще я завидовал песочным часам, с помощью которых удастся осуществить смысловой «блиц». Радовался умным мыслям. И предавался другим невинным забавам, никак не думая выступать. Считаю себя негодным для такого режима.

Но тут начался разговор о властной востребованности интеллектуального продукта. Выступавший вдобавок подчеркнул, что он не ученый. И тогда я набрался мужества для того, чтобы поучаствовать в «блице» на смысловую тему.

Ну, так вот. Если обсуждаемая тема: «Гуманитарная наука и высшие ценности Российского государства», — то, как не может не понимать мой друг Александр Иванович Неклесса, тут налицо тринитарная концепция. Тут не диада: «гуманитарная наука и нечто». Тут триада: «гуманитарная наука — высшие ценности — Российское государство».

Начнем с понятия «гуманитарная наука». Это ведь не аксиоматическое понятие. Кто-то считает, что «гуманитарная наука» вообще проблематична. Что наука требует «субъект-объектных отношений». А гуманитарная наука не может обойтись без отношений «субъект-субъектных». Альтернативой понятию «гуманитарная наука» является понятие «гуманитарное знание».

Не любое знание является наукой! Это очень крупная проблема XXI в. Да и не только XXI-го. Когда Бэкон сказал: